

Мои мягкие руки, которые никогда даже не потрошили рыбу, внезапно показались мне виноватыми, словно руки, которые кого-то зарезали и были запятнаны кровью, и я украдкой спрятал их в карманы куртки.

Дедушка сказал, что убьёт хёна.

Ударяя палкой, стоявшей в углу двора, о землю, он вопил, что ублюдок, который заврался, не зная своего места, и позорит родителей, заслуживает быть забитым до смерти.

— Такой сопляк, как ты... как ты смеешь замахиваться на такое, как ты смеешь!

Голос дедушки звучал так, будто он был дедушкой не Со Е Хана, а скорее Им Мораэ.

— Таскаешь за собой дочь господина Има... куда ты её водил? Ты так хотел увидеть, как твой дряхлый старый дед унижается, словно грешник, перед господином Имом, сукин ты сын!

Палка ещё раз резко ударила о землю.

— Кто её куда таскал? Какой ублюдок несёт такую чушь? Скажи мне, чтобы я порвал ему его грёбанный рот!

Хён тоже не отступал. Даже сидя в своей комнате, я мог представить выражение его лица — вены вздулись, пока он кричал.

— Не можешь заткнуться? Это твой рот скоро порвут за то, что ты потащил дочь из уважаемой семьи в мотель, ублюдок!

Мораэ и хён встречались со средней школы, и примерно в старших классах семья Мораэ, услышав о них слухи, начала оказывать давление.

Возможно, они думали, что раз оба ещё молоды, то повстречаются какое-то время и разойдутся, поэтому это давление ограничивалось лишь периодическими проявлениями недовольства. Но после демобилизации хёна оно постепенно изменило свой характер, превратившись в конкретные и реальные угрозы.

Несколько дней назад, когда они занимались сёрфингом. Расставшись с ними, я вернулся домой первым, а хён не возвращался до позднего утра. Похоже, кто-то видел, как они вдвоём заходили тогда в мотель, и рассказал отцу Мораэ.

В такой маленькой рыбацкой деревушке подобные любовные интрижки всё ещё были интересной темой для сплетен. Городок был полон подобных скандалов о том, кто с кем изменяет, и кто с кем сбежал, бросив детей.

— Чтобы парень вроде тебя был замечен с его единственной дочерью в мотеле... как ты думаешь, что чувствует господин Им, чёртов ты ублюдок? Какую бы дичь ты ни творил, господин Им никогда не отдаст тебе свою дочь! Ты до сих пор этого не понял? Очевидно же, что ты будешь как пёс, лающий на луну, так зачем ты гоняешься за курицей, которую не поймать!

Меня там не было, но я и без того знал, что хён не «потачил» Мораэ, а они пошли вместе. Вывод, что они отправились в мотель, может, и тот же, но эти два выражения несли в себе совершенно разный смысл.

— А кто просил этого господина отдавать мне Мораэ? Мораэ — его собственность? Только потому, что она его ребёнок, он может просто отдать её кому-то другому?!

— Прекрати нести этот детский лепет! Думаешь, такая семья отдаст своего ребёнка такому сопляку, как ты?!

Дедушка считал, что причина, по которой родители Мораэ были против них, заключалась в разнице в положении их семей, но на самом деле всё было немного сложнее.

Дедушка и другие взрослые не знали, что Мораэ — альфа. В этом городе, кроме семьи Мораэ, только хён и я знали, что она альфа.

Альфы, которые, как говорят, рождаются в соотношении один к тысяче человек в стране, в основном были сосредоточены в районах с высоким уровнем дохода и образования. Согласно статистике, в маленьком портовом городке, как наш, с населением около 30 000 человек, должно было быть около 30 альф, но на самом деле их было, вероятно, всего двое или трое. Да и те были людьми, которые были просто «биологическими альфами», не сильно отличаясь от бет.

Обычным людям за всю жизнь было трудно даже мельком увидеть альфу с мощными феромонами и плодовитостью, как у Золотых альф, которых изображают главными героями в драмах или фильмах. Даже если бы такой альфа и родился здесь, он бы неизбежно уехал в большой город, чтобы преуспеть, используя свои выгодные условия.

В такой маленькой рыбацкой деревушке, где доля бет была абсолютной, а средний возраст — высоким, люди неблагосклонно относились к альфам или омегам. Дискриминация в отношении женщин-альф и мужчин-омег была особенно жестокой. Для них женщины-альфы и мужчины-омеги были не более чем отвратительными мутантами.

Это также было причиной, по которой семья Мораэ скрывала тот факт, что она альфа.

Я не знал, насколько сильна её альфа-сущность или каковы особенности репродуктивных функций женщины-альфы, но беременность между ней и мужчиной-бетой была затруднительна. Почти до невозможности.

Из-за этого семья Мораэ была против её встреч с хёном, женщиной-бетой, и если бы она, не дай бог, сказала, что сойдётся с женщиной-омегой, атмосфера была такова, что кто-то из членов семьи мог бы устроить попытку самоубийства.

Не то чтобы я совсем не мог представить их чувства как семьи, желающей для неё «гладкой жизни, безупречной в глазах других».

Проблема была в том, что она сама хотела «жизнь с Со Е Ханом» больше, чем «гладкую жизнь, безупречную в глазах других».

Следующая проблема заключалась в том, что её семья была уверена, что она определённо пожалеет о своём нынешнем выборе.

Как они могли быть так твёрдо убеждены и делать такие утверждения о будущем другого человека, даже не о своём собственном. Я не мог произнести ни единого слова о самом себе, вообще ни о чём.

— Посмотри на своего дядю. Брак, против которого были обе семьи, они настояли на своём, и посмотри на них теперь. А? Зачем тратить силы на то, чему не суждено быть? Ты не в том положении, чтобы тратить силы на подобные вещи! У тебя совсем нет сочувствия к своему деду и отцу, которые стареют и которым уже трудно даже сети вытаскивать?

При внезапном упоминании моего отца я попытался заткнуть уши, но это было бесполезно. Дедушка ворошил другие семейные раны в деле, которое к ним совершенно не относилось.

— Зачем ты приплетаешь моего дядю? Чёрт, с тобой даже разговаривать невозможно!

То ли газ, то ли ведро, хён что-то пнул и выплюнул ругательство.

— Идиот, слушай внимательно своего деда.

Тон дедушки, который до этого кипел от ярости, внезапно изменился. В отличие от того, как он орал на всю ивановскую, не заботясь, слышат ли соседи, его голос теперь стал сдавленным, будто кто-то сжимал ему горло. Словно это и было главным.

— Если не послушаешь, неизвестно, что господин Им с тобой сделает, ублюдох! Ради своей дочери... он из тех людей, что и глазом не моргнут, чтобы сделать нищего сопляка вроде тебя калекой. Единственная причина, по которой он до сих пор тебя не трогал, это потому, что он боится заставить свою дочь плакать, а не потому, что ничего не может тебе сделать! Послушай своего деда. Порви с ней сегодня же. Если думаешь, что будешь скучать, то отправляйся работать на рыболовное судно в открытом море на год или около того. Послушай меня, сукин ты сын!

Господин Им.

Отец Мораэ, которого в этих краях называли «господином», хотя он не был ни учителем по профессии, ни экспертом в какой-либо области, ни заслуживал такого уважения, чтобы носить этот титул.

Это отличалось от того, как он просто закатывал истерику без всякой причины. Я не знаю, что «господин Им» сказал ему за зданием Рыболовного кооператива, но дедушка бормотал эти слова, охваченный ужасом.

Суматоха едва улеглась, когда хён выбежал из дома, но мы уже были не так молоды, чтобы не понимать, что это было только начало.

Они не остановятся. Господин Им будет пытаться разлучить Мораэ и хёна, а дедушка и мой дядя будут пытаться затащить хёна на лодку. Потому что именно это они считали «человеческим долгом» и тем, что они считали «счастьем» для Им Мораэ и Со Е Хана. По крайней мере, они верили, что это был способ избежать «несчастья».

Подвергаясь непрекращающимся проклятиям дедушки и спору между дедушкой и моим дядей, которые винили друг друга даже после того, как хён убежал, я безучастно сидел в комнате.

Когда я впервые приехал сюда, в этой комнате царил беспорядок. Разбросанная одежда, комиксы и журналы о сёрфинге валялись повсюду, а на низком столе в шаткую стопку были сложены непрочитанные справочники и учебники.

Свернувшись в углу, как один из этих предметов багажа, я через несколько минут открыл окно и начал прибираться в комнате.

Я расставил журналы и комиксы в порядке выхода и сложил одежду по сезонам и цветам в ящики. Я также рассортировал учебники и справочники в алфавитном порядке. Когда хён устраивал беспорядок, я снова прибирался.

Почти единственное, чего я не касался в этой комнате, была одна фотография, которую хён приклеил скотчем к стене.

Это была фотография, на которой виднелись силуэты двух человек, занимающихся сёрфингом на красном море, крошечные, как ноготки, за экзотическими пальмами на фоне заката. Хён сказал, что вырвал её из какого-то журнала, и эта фотография висела на том месте с тех пор, как я приехал сюда пять лет назад.

Когда-нибудь он уедет и будет жить в таком месте, — говорил хён, словно по привычке. Он никогда не говорил, с кем, но было само собой разумеющимся, что Мораэ тоже была в его будущем. Это было так естественно, что не было нужды упоминать это отдельно. Они были

двумя людьми, которые ни на мгновение не представляли в своей жизни кого-то другого, кроме друг друга.

Я пытался сосредоточить своё сознание на этой фотографии с загнутыми уголками и выцветшими красками.

Бали... я попытался произнести вслух название этого экзотического места, которому меня научил хён.

Проклятия бабушки теперь были направлены на моего отца и меня; он называл нас злобными тварями за то, что мы, что отец, что сын, ни разу даже не выглянули, несмотря на весь этот хаос в доме.

Я беспокоился, в порядке ли Мораэ, но не мог отправить ей даже одного сообщения, боясь, что если я свяжусь с ней, её семья может использовать это как предлог для создания проблем.

— Со Е Хён. Со Е Хён, просыпайся.

Я не знаю, когда уснул, но я лежал, свернувшись калачиком, на голом полу в той же одежде, в которой ходил в порт.

Меня разбудил хён. В темноте глаза хёна светились необычайно ярко. Это был не повседневный свет.

Была глубокая ночь, и в комнату едва проникал лишь свет натриевой лампы, висевшей над главными воротами. За это время в доме стало совершенно тихо, и я почувствовал, что идёт дождь. Звук дождя почти не было. Только запах был другим.

— Просто собери то, что тебе нужно, быстро.

Хён говорил быстро и тихо.

— Мораэ будет ждать в офисе Чжехён-хёна. Оттуда мы поедем на его машине в Сеул.

Чжехён-хён был владельцем школы сёрфинга и близким другом Мораэ и хёна. Хён работал там инструктором до армии, и даже после демобилизации он иногда ходил туда преподавать на временных занятиях и зарабатывать деньги.

Этот план мы строили очень давно, ещё со времён старшей школы. Что, когда мы решим, что

ситуация стала наихудшей, без шансов на улучшение, мы предпримем попытку побега.

Мне было немного неловко быть частью этого побега, который был сродни побегу влюблённых, но они с самого начала включили меня в план, будто это было самое естественное дело. Никто не заставлял меня работать на лодке, и никто не давил на меня, чтобы я расстался с любимым человеком, но тот факт, что у меня ничего подобного не было, и стал моей причиной для побега. У меня не было причин уезжать, но и причин оставаться тоже не было.

Поначалу это была полусутка. В наши школьные годы, когда мы лежали на пляже, хихикая и строя абсурдные планы, как в голливудском фильме, мы и не думали, что когда-нибудь настанет день, когда мы их осуществим.

Мы с хёном быстро упаковывали вещи в наши не такие уж большие рюкзаки. Здесь не было ничего настолько ценного, что нужно было бы обязательно забрать. Из ящика, заполненного только полосатыми вещами, я упаковал пару футболок и немного нижнего белья.

Наконец, хён, который встал, запихнув в рюкзак любимый комикс и застегнув его, на мгновение остановился перед фотографией на стене. Затем он сорвал фото, сложил её пополам и сунул в карман куртки.

Дом, с тремя комнатами в ряд, выходящими к морю, был несколько лет назад отремонтирован в современном стиле, но основа его была как у традиционного корейского дома. Мы осторожно открыли раздвижную дверь и вышли на узкую веранду, приподнятую на камнях и цементе.

Как и ожидалось, моросил лёгкий дождик. Морской бриз, касавшийся открытой кожи, казался холоднее обычного. Это был тревожный холод, от которого сжимался затылок.

Мы пересекли двор под надоедливо морозящим дождём. Хён жестом показал, чтобы мы перелезли через стену, а не открывали главные ворота. Стена была не очень высокой. Это казалось лучше, чем шуметь воротами.

Как только мы собрались идти к стене, за нашими спинами в главном здании открылась дверь. Это был звук раздвижной двери, которую толкнули изнутри. Мы рефлекторно остановились и медленно обернулись.

Это был мой отец.

В темноте, где слышался лишь бесформенный шум волн, мой отец сидел в комнате, держась за ручку двери, и смотрел на нас.

Мы с хёном стояли под дождём посреди ночи, далеко за полночь, у каждого за спиной рюкзак и ни одного зонта. По нашему виду любой бы понял, что это не просто лёгкая прогулка по району, чтобы подышать свежим воздухом.

Как отреагирует мой отец?

Пот мгновенно выступил у меня на лбу и потёк по спине. Сердце, казалось, вот-вот взорвётся.

В этот момент всё моё внимание было приковано к губам отца, даже больше, чем к успеху нашего побега. И дело было не в разочаровании от того, что нас поймали.

Последние пять лет они молчали... Губы моего отца, которые заставили меня отказаться от надежды, прервав этот цикл ожидания и обиды.

Я до смерти устал от этого молчания. И всё же, я и сам становился человеком, наиболее привыкшим к тишине. Отец...

— Хён-а, пойдём.

Сколько мы так простояли под дождём? Хён положил руку мне на плечо. Это был не поторапливающий жест. Хён, вероятно, знал, о чём я думаю, что я чувствую.

Мы передумали и открыли главные ворота, вместо того чтобы лезть через стену.

Железные ворота, которые давно не смазывали и которые легко поддавались коррозии от морского бриза, со скрипом отворились. Хён вышел, а затем за ним вышел и я. С сердцем, полным большей тоски, чем у жены Лота, покидающей Содом*, я обернулся в последний раз.

«Куда вы идёте? Не уходите». Хоть бы это спросил...

В конце концов, мой отец так ничего и не сказал.

Внутренность антикварной витрины была переполнена.

Если клиент не просил об ином, основным принципом была расстановка вещей в соответствии с фотографиями, сделанными до того, как предметы были извлечены. Но содержимое витрины на фото, мягко говоря, нельзя было описать иначе как «беспорядок». Несмотря на роскошь коллекционных предметов, состояние их выкладки было очень плохим.

Переводчик и редактор: Mart Propaganda.

<http://bllate.org/book/14776/1317950>